

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Без пафоса

Несколько лет назад «гулял» анекдот: Что такое культурный обмен? Мы им Ростроповича и Вишневу, они нам — прах Шалаяпина».

Оказалось, пепел стучится...

Жанр «Рождественской елки у Федора Ивановича» — семейный праздник, как и положено. Уютный и сентиментальный.

Дети, слава Богу, даже не подозревали, что с порога они попадут в мир культуры и эстетики. Что картинки, развешанные по стенам, — замечательны. Что игрушки в открытых сундуках и коробках (будто бы хранившиеся в чуланах и на чердаке) можно экспонировать на международных выставках или продавать за валюту. Что слон и лошадь, на которых так весело кататься из комнат в комнату, — рукотворное чудо. Что красивый мужчина во фраке, который помогает разыграть «Пастушку и трубочиста», — артист и делает это изящно и стильно. Что костюмы маленьких исполнителей и декорации спектакля — прелесть как хороши.

Дети просто придут в гости, и в прихожей им предложат необыкновенные шляпы, тетя-гример «веселит» их лица. За большим семейным столом они раскрашивали игрушки для елки, до времени не обращая внимания на огромный шкаф, битком набитый сюрпризами. Елку все вместе наряжают и зажгут, распевая песенку с такими словами:

*И ясный свет среди ветвей
Не жет покой душе моей.
Святая ночь, святая ночь,
Святая ночь приходит.*

Им покажут маленький вертеп, что затаился на подоконнике, и расскажут рождественский сюжет. Угостят пряником, который пекут только раз в году, только в этот день, и уж, конечно, им невдомек, что пряники — красивые, пахучие, с мятой и имбирем — «добывали» аж в Архангельске, где пекут по старинным рецептам.

Пусть дети думают, что так и надо, ведь они, быть может, еще не успели узнать, как бывает помпезно и безвкусно, когда в стране есть Главная елка, с главным дедом Морозом и главной Снегурочкой.

На елке во флигеле Дома-музея Ф. И. Шалаяпина не было привычного мотормеханического веселья, а были чистота и умиротворение, потому что те, кто задумал и сделал ее, хотели найти «покой душе своей». Хотели и нашли. Без синдрома «возрождения России». Без пафоса.

Чеховым больше, Чеховым меньше...

На исходе года, когда юбилейная дата была уже позади, театральная Москва все же отметила 100-летие со дня рождения Михаила Чехова.

Слух и глаз ласкала милая сердцу помпезность старомодных театральных драпировок, величавая приподнятость тона. Все в зале и на сцене говорило о серьезности намерений, о желании хотя бы на один вечер противостоять разрухе и внутренней расхлябанности, быть не самим собой, а чуть лучше, возвышенней и, как любили повторять наши шестидесятники, духовней.

Нет-нет, иронизировать на эту тему утомительно и банально. Но просто очень трудно быть не самим собой.

Придя домой, я открыла наугад томик М. Чехова. Хотелось получить «послание» — ведь великий актер не был чужд мистике. И вот что открылось: «Теперь, когда положение театра так трагически трудно, именно теперь хочется написать не статью о театре, а гимн театру, великую ему хвалу, и притом хвалу не столько за блистательное прошлое и за мучительное настоящее, сколько за те необыкновенные, огромные возможности, которые заложены в Будущем Театре».

Следующий абзац начинается словами: «Театральные залы пустуют...» — и следует описание той клинической картины, свидетелями которой мы вновь являемся.

Быть может, несколько сотен людей, никогда не видевших ни одного сценического создания Чехова, собрались ради того, чтобы расслышать сквозь какофонию нашего времени гимн Будущему Театру? Он прозвучал в живых и вдохновенных творениях современных артистов: С. Юрского, А. Филиппенко, О. Ефремова...

Но почему актерский пир оказался так скуден? Отпустили, как по талонам,

только-только самое необходимое, чтобы с голоду не умереть.

Да потому, что такие уж мы. У гимна — даже во славу Театра — прослушивается легкий акцент «правительственного концерта», когда последовательность номеров диктуется субординацией и все они так или иначе подчинены неписаной театральной иерархии.

Среди популярных нынче слов есть и такое: «правопреемник». У Михаила Чехова на родине законных наследников нет. Нет и прямых учеников. Впрочем, в искусстве презрительность устанавливается куда более сложными путями, чем предусмотрено гражданским кодексом, и констатируется, скорее, постфактум, чем де-факто или де-юре.

Видит Бог, в этот вечер должен был еще играть, к примеру, В. Гвоздичкий — ну, скажем, что-то из «Записок из подполья»! Слабо оказалось и пригласить П. Мамонова, только что на сцене Театра имени Станиславского сыгравшего в «Лысом брюнете». Кто-то назовет другие имена и будет прав. Но их и позовут на другую тусовку.

А ведь что и как мы наследуем — небезразлично Будущему Театру.

Чем дальше шел вечер, тем больше мы становились самими собой, и Чехов не приближался, а удалялся от нас, вдруг став к концу маленьким мальчиком Мишей, племянником Антона Павловича. На мгновение даже показалось, что их перепутали, забыв, кто именно сегодня юбилар: Чеховым больше, Чеховым меньше...

В каждой сфере нашей жизни существовало свое подполье. Переход или переход на легальное положение требовал компромиссов, некоего подтверждения лояльности. Михаил Чехов не мог

вернуться на родину антропософом. И пока не смог. Его опраздывали, извиняли, «отмазывали», так же, как «опраздывали» Ивана Бунина или Михаила Булгакова за другие грехи. В этом процессе была своя доблесть и свои герои. Один миф неизбежно вытеснялся другим. Борьба мифов продолжается по сей день.

Пока, устремляя свой взор в дали русского зарубежья, мы по-прежнему равнодушно глядим окрест себя. Даже в дни памяти. Не забыли, что Чехов учил Юла Бриннера, Мэрилин Монро (для которых, как уверяют, стал не Учителем, а лишь кем-то вроде тренера), зато забыли его учителей, соратников, партнеров. Забыли о его доме — МХТ-2, что стоит совсем рядом на Театральной площади и по-прежнему смотрит в лицо Малому театру. Разве не на том месте провалилась одна из наших театральных Атлантид? Так почему же мы целый вечер просидели на Камергерском?

...В летописи жизни и творчества актера предпоследняя дата отмечена так: «1955 год. Сентябрь. Записывает на магнитную ленту лекции для американских актеров — о чувстве любви (выделено мной. — М. С.) и его значении для творчества актера». Следующая дата — «1 октября. Смерть Михаила Александровича Чехова».

Цела ли та магнитная лента? Можно ли ее услышать? Сумеем ли перевести на русский?

Голос великого русского артиста прозвучал в юбилейный вечер только один раз — в монологе Гамлета «Быть или не быть?» на языке оригинала.

Мария СЕДЫХ